

**ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ РЕСТРИКТИВНОЙ
ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ
ИЗМЕРЕНИЯ**

Бочарова Александра Павловна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

Эл. почта: apbocharova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-2167-8342

Для цитирования: Бочарова А. П. Восприятие населением рестриктивной политики государства: проблемы измерения // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2025. № 60. С. 183-215. DOI: 10.19181/4m.2025.34.1.5. EDN: TYELZN.

Статья посвящена разрешению концептуальных и методологических вопросов измерения политических установок граждан по отношению к рестриктивной государственной политике. В первой части исследования решается задача объединения разрозненных групп исследований политической поддержки и политических установок по отношению к тем или иным государственным мерам, носящим ограничительный характер по отношению к гражданам, в единую категорию измерения политических установок по отношению к рестриктивной политике. К этой же категории можно отнести (за редким исключением) и эмпирические исследования комплаенса, основанные на опросных методах и самоотчетах респондентов. Объединив данные группы исследований в одно направление изучения отношения граждан к рестриктивной политике, автор решает задачу контроля валидности в эмпирических исследова-

дованиях такого рода. Результаты статистического анализа опубликованных за последние десять лет исследований рестриктивной политики в базе данных Scopus показали, что подавляющее большинство авторов современных исследований рестриктивной политики продолжают опираться на формат опросных исследований, что поднимает ряд вопросов внутренней и внешней валидности таких работ в силу сенситивности задаваемых респондентам вопросов. Кроме того, ряд ошибок, связанных с формированием слишком узкой выборки, явным для респондента дизайном вопросов и сложностями обобщения результатов в работах с использованием фото- и видеоматериалов в качестве стимулов, остаются нерешенными в существующих исследованиях. Решением проблемы нарушения валидности является использование экспериментального дизайна, применяющегося в исследованиях рестриктивной политики значительно реже классических опросов, что включает в себя списочные эксперименты, эксперименты с поддержкой и факторные опросы. В статье также рассмотрены кейсы корректного использования такого исследовательского дизайна на примере недавних работ.

Ключевые слова: рестриктивная политика, опросные методы, политические установки, политическая поддержка, комплаенс, общественное восприятие, списочный эксперимент, факторный опрос, эксперимент с поддержкой

Введение

Проблематика изучения политических установок граждан по отношению к конкретным государственным политикам не нова. Особое значение для исследований и для практической реализации политических инициатив имеет положительное отношение граждан именно к рестриктивной политике, когда гражданин стоит перед выбором: поддержать рестрикции (например, в обмен на безопасность), или не поддержать, выступив против ограничений личных прав и свобод.

Обращение к литературе показывает, что исследования, посвященные изучению установок и поведения граждан

по отношению к рестриктивной политике государства, не только не пересекаются друг с другом, но зачастую даже не используют самого понятия рестриктивной политики, что неизбежно приводит к образованию изолированных друг от друга тематических кластеров. Так, большую, но узконаправленную группу исследований представляют работы по изучению поведенческого аспекта — комплаенса граждан с государственной политикой (как правило, комплаенса с мерами против Covid-19) [1; 2]. Вторую группу составляют работы на тему дилеммы «безопасность/свобода», перед которой стоят граждане в условиях кризисных ситуаций [3; 4]. Наконец, третья группа исследований направлена на изучение политической поддержки гражданами отдельных государственных политик в области экологии, поддержания общественного порядка и пр. [5; 6]. Важнейшим шагом на пути к анализу подходов к измерению установок граждан по отдельным политическим мерам является, таким образом, работа по объединению исследований в одну общую категорию, позволяющую увидеть взаимосвязь проблем из разнородных областей.

Основной целью настоящей работы становится выявление наиболее обоснованного методологического подхода к определению установок респондентов по отношению к мерам рестриктивной государственной политики, что подразумевает решение двух задач в соответствующих разделах данной статьи. Поскольку исследования отношения индивидов к различным аспектам рестриктивных государственных мер в социальных науках фрагментированы, представляется необходимым провести концептуализацию основных рабочих понятий с целью их приведения к одной категории, наиболее точно описывающей указанные процессы. После ответа на вопрос, *что* мы измеряем в контексте изучения рестриктивной политики, необходимо рассмотреть, *как* именно происходит измерение установок респондентов к таким мерам. Вторая задача, таким образом, состоит в анализе существующих подходов к непосредственно *измерению*

политических установок граждан по отношению к рестриктивной политике, а также решению основных проблем валидности, связанных с этими подходами. В частности, в многочисленных работах, использующих классические опросные методы, исследователи находят ряд недостатков вследствие сенситивности вопросов и невозможности проследить изолированные эффекты (об этом неоднократно пишут сами авторы исследований, например, [7]), которые могут быть в значительной степени решены путем использования альтернативных экспериментальных подходов. Наконец, анализ количества существующих публикаций в базе данных Scopus за последние десять лет, использующих классические опросные и экспериментальные подходы к измерению установок респондентов по вопросам рестриктивной политики государства, позволит рассмотреть, произошел ли переход от использования классических опросных методов к экспериментам, к чему призывали исследователи в работах 2010-х гг. [37], или наблюдается скорее инерционное движение в исследованиях отношения граждан к рестриктивной политике с преобладанием классических опросов.

Концептуализация области исследований

При изучении работ, посвященных анализу отношения граждан к ограничительным мерам государства (будь то установка камер видеонаблюдения на улице и в общественном транспорте, введение масочного режима и изоляции, блокировка сайтов в Интернете с нежелательным политическим контентом и пр.), исследователь сталкивается с высокой вариацией формулировок о том, что измеряется в качестве целевой переменной: уровень *политической поддержки* [8], уровень *комплаенса* с выдвигаемыми мерами [9], *политические предпочтения и установки* (*political preferences and attitudes* [10]) и пр. Мы покажем, что все подобные исследования фактически могут

быть отнесены к изучению и измерению политических установок (*attitudes*) по отношению к государственным рестриктивным мерам, поскольку исследования комплаенса граждан с государственными мерами также, за редким исключением, базируются не на фактическом поведении респондентов, а на их установках (о чем будет написано ниже).

В качестве наиболее универсального определения ограничительной (рестриктивной) политики можно использовать формулировку Фезенфельда, Рудольфа и Бербауэра [5], которые определяют ее как «меры, которые налагают дополнительные расходы или ограничения на определенные действия для достижения желаемой цели политики». Ограничения действий граждан (как материального, так и политического характера) имеют, таким образом, в своей основе потенциальное ограничение прав и свобод.

В фокусе значительного числа исследований, посвященных изучению общественного восприятия государственных мер, стоит понятие *политической поддержки* (*political support*). Согласно Дэвиду Истону, политическая поддержка отражает установки граждан по вопросам функционирования государства, его политических институтов и отдельных политических лиц [11]. Политическую поддержку Дэвид Истон выделяет как понятие, относящееся скорее к установочному аспекту, чем к поведенческому, и указывает на политическую поддержку как аспект *политических установок* (*political attitudes*), посредством которых индивид может относиться к объекту или лицу благоприятно или неблагоприятно, позитивно или негативно [11, p. 436].

Еще одним ключевым понятием, непосредственно связанным с исследованиями восприятия рестриктивной политики, является *комплаенс* — согласие с установленными нормами и правилами. Бенедикт Кингсбери [12] в своей работе предлагает общее определение комплаенса, применимое не только к

социальным наукам, но и к области права, как «соответствие поведения [граждан] правовым нормам». Ключевым событием, предшествовавшим качественному и количественному скачку в исследованиях соблюдения норм, была пандемия Covid-19, предоставившая исследователям возможность анализа социально-психологических и политических факторов, оказывающих влияние на выполнение гражданами рестриктивных государственных мер, направленных на обеспечение личной и общественной безопасности [8; 13].

Необходимо отметить, что понятие комплаенса отражает *поведенческие* аспекты восприятия индивидами государственной или иной политики в отличие от понятий политической поддержки и политических установок, отражающих аспекты *восприятия* индивидами политических мер, но не фактического поведения граждан. Об этом пишет сам Истон, предлагая рассматривать политическую поддержку и политический комплаенс в качестве связанных, но не равных понятий [11]. Так, граждане могут быть вынуждены выполнять нормы, предписанные государством, вследствие страха перед наказанием в случае невыполнения формальных и неформальных норм, предписанных обществом, и пр., но при этом не поддерживать данную политику и даже относиться к ней негативно [11]. При этом, как бы парадоксально это ни звучало, на современном этапе развития исследований комплаенса исследователи, не имея возможности замерить в опросах фактическое поведение гражданина в условиях накладываемых рестрикций, продолжают опираться на самоотчеты респондентов, сталкиваясь с высокой долей социально желательных ответов [38]. Исследований, позволяющих проанализировать реальный комплаенс, относительно немного вследствие объективной невозможности замера фактического поведения индивида в условиях опроса или эксперимента, а также нехватки данных. Одним из решений существующей проблемы является проведение «лабора-

торных» экспериментов, например кооперативных игр, выявляющих поведение респондента при гипотетической реализации той или иной рестриктивной меры [39; 40]. Однако любой лабораторный эксперимент также сталкивается с проблемой внешней валидности — правомерности переноса его выводов на общество в целом.

Другая часть работ, посвященных анализу комплаенса, базируется на эмпирических данных о предполагаемом количестве нарушений изоляции в период пандемии Covid-19 на примере данных геолокации мобильных телефонов граждан [41] или данных о маршрутах такси в регионе [42], но таких исследований немного, и они измеряют региональный уровень соблюдения ограничений, а не индивидуальный. Таким образом, в исследованиях о соблюдении или несоблюдении гражданами рестрикций в прошлом, настоящем или будущем в реальности речь идет об измерении не поведения, но намерения респондента. Иными словами, исследователи фактически замеряют *установочный* аспект отношения к рестрициям, но не поведенческий [14; 15], что позволяет нам отнести подобные исследования комплаенса к категории измерения *политических установок*.

Суммируя вышеперечисленные аргументы, мы можем сделать вывод о том, что существующие исследования, измеряющие уровень политической поддержки гражданами рестриктивных государственных мер, а также значительная доля исследований, измеряющих гипотетический комплаенс с этими мерами, могут быть отнесены к группе исследований, в центре которой находится анализ *политических установок* граждан по вопросу государственного рестриктивного регулирования. Выявив, таким образом, фокус работ на измерение установок, во второй части работы будет проведен анализ подходов к измерению этих установок с точки зрения валидности и эффективности выбранных методов.

Методологические проблемы в измерении восприятия рестриктивной политики

Более двадцати лет назад Роуз Макдермотт в своей статье призывала исследователей — политологов, психологов и социологов — обратить внимание на применение экспериментальных методов в социальных науках, аргументируя валидность таких исследований и удобство в применении подобных методов [43]. В более позднее время исследователи также отмечали интенсивный рост применения экспериментальных методов к измерению политических установок и предпочтений, отмечая, впрочем, что, по сравнению с классическими опросными методами, экспериментов проводится значительно меньше, чем могло бы быть [37].

Призыв исследователей к использованию альтернативных методов для измерения отношения граждан к рестрикциям обоснован существенными методологическими ограничениями классических опросов. Это особенно ярко проявляется в работах, посвященных комплаенсу с государственными мерами в период пандемии Covid-19. Там, где респонденты давали ответы на прямые вопросы «соблюдаете ли Вы предписанные меры?» (например, [2; 16]) или «сколько раз в неделю/месяц Вы нарушали предписанные правила?» [9], крайне высок риск искажения результатов, поскольку респонденты при ответе на такие вопросы с большой долей вероятности могут давать социально желательные результаты. Для частичного решения этой проблемы был предложен подход с переводом порядковой целевой переменной в бинарную [9], где респондентам было предложено ответить на ряд последовательных вопросов «как часто на прошлой неделе вы совершали эти действия в период пандемии Covid-19 (выходил из дома без необходимости / лично встречался с родственниками и друзьями, которые с вами не живут и т.д.)?» по шкале от 1 «никогда» до 5 «очень часто». Далее дан-

ная шкала была преобразована в бинарную, где ответы «1» были закодированы как 1, а остальные как 0. Такой подход, согласно авторам работы, позволил избежать перекоса в сторону наиболее желательного ответа.

К еще большим искажениям приводят прямые вопросы о *гипотетическом комплаенсе* респондента в опросных исследованиях, где вопрос ставится не о фактическом поведении респондента, а о его намерении соблюдать определенные меры, если бы эти меры были введены. Так, в исследовании [17] при измерении уровня комплаенса респондентов с мерами против Covid-19 вопрос был задан следующим образом: «В какой степени лично Вы собираетесь соблюдать государственные ограничения?», после чего респонденту предлагалось оценить по шкале от 1 до 5 предполагаемый уровень соблюдения мер. Несмотря на, казалось бы, несущественную разницу в форме вопроса, необходимо отметить, что показатель комплаенса в этом случае может показать лишь уровень политической поддержки государственных мер со стороны респондента, но не фактический уровень соблюдения мер, что отмечает также Д. Мютц [18]. В этом контексте гипотетическое поведение респондента, вероятность которого ему предлагается оценить, обладает еще более ярко выраженным эффектом социальной желательности, так как респонденты склонны оценивать самих себя, как правило, с положительной стороны.

Помимо исследований комплаенса, другие работы, посвященные анализу влияния различных групп факторов на уровень политической поддержки рестриктивных государственных мер, также используют классический опросный метод [6; 19].

Искажение результатов опросов вследствие эффекта социальной желательности также позволяет поднять вопрос о проблеме причинности (каузальности), неизбежно возникающий при анализе влияния социально-психологических факторов на неискренне выраженные политические установки и отношение

респондентов. По мнению некоторых исследователей, альтернативный экспериментальный подход позволяет частично решить обе проблемы. Так, Е.А. Седашов отмечает, что рандомизированные эксперименты являются наиболее «чистым» решением проблемы каузальности, поскольку исследовательский дизайн позволяет избежать контролируемого формирования выборок респондентов и распределения вмешательства [20]. Кроме того, в значительной степени решается проблема контроля чистых эффектов, поскольку исследователь может самостоятельно регулировать формат и объем информации, предоставляемый различным группам респондентов в рамках эксперимента. Эмпирические исследования, помимо классических опросных экспериментов с рандомизацией, включают в себя эксперименты с виньетками, с поддержкой (конджойнт-эксперименты), а также списочные эксперименты (в англоязычной литературе за этим подходом закрепилось устойчивое название *list experiment*).

Перспективы решения проблем в экспериментальном подходе

Экспериментальные методы позволяют снять ряд ограничений, накладываемых дизайном классических опросных исследований. В контексте внутренней валидности исследования возможность изолировать влияние независимой переменной от других эффектов (то есть мы гарантируем, что в условиях эксперимента изменяется только управляемая независимая переменная) позволяет добиваться решения проблемы каузальности, позволяя сравнить эффекты вмешательств для экспериментальных групп в условиях невозможности сравнения потенциальных исходов эксперимента для каждой конкретной экспериментальной единицы (респондента) [20, с. 101; 21, с. 6–7]. С точки зрения конструктивной валидности, возможность контролировать стимулы и корректная рандомизация респондентов в ходе экс-

перимента способствуют достижению наиболее адекватного и цельного исследовательского дизайна *при условии* корректного выполнения. Наконец, возможность формирования выборок, анализ которых позволил бы максимально корректно ответить на сформулированный исследовательский вопрос, позволяет решить проблему внешней валидности. Иными словами, в контексте измерения политической поддержки рестриктивных мер государства, *корректный* экспериментальный дизайн позволяет в значительной степени решить ряд проблем каузальности и валидности, которые неизбежно возникают в классических опросных исследованиях.

Необходимо отметить, что формирование национальной репрезентативной выборки является хотя и мощным инструментом получения наиболее точных оценок, но не обязательным условием проведения эксперимента в социальных науках [18]. Так, например, в большинстве экспериментальных исследований отношения граждан к рестриктивной политике государства авторы не стремились получить национально репрезентативные выборки респондентов (например, [7; 22; 23]). Поскольку значительная часть исследований, посвященных политической поддержке и комплаенсу, фокусировалась на имеющих относительно низкую дисперсию в генеральной совокупности психологических эмоциях и реакциях респондентов на отдельные меры, репрезентативность выборки по генеральной совокупности не обязательна. Тем не менее ряд работ, посвященных отношению граждан к государственным мерам, используют крайне ограниченные и специфичные выборки студентов, специалистов в определенной профессиональной сфере и т.д. Так, в исследовании факторов, обеспечивающих рост поддержки гражданами установки камер в общественных местах [6], выборка из 570 респондентов формировалась из студентов «двух лучших университетов Санкт-Петербурга». В работе [24] выборка респондентов формировалась похожим образом — из студентов Мичи-

ганского университета в возрасте от 18 до 28 лет. В работе [22] восприятие респондентами антитеррористических мер государства оценивалось на выборке «молодых профессионалов из банковского сектора со степенью магистра и выше». При этом если Костюк и Вэйн аргументировали формирование узкой выборки студентов для проведения эксперимента спецификой фрейминга киберугроз (в данном случае примером киберугрозы служил недавний взлом сайта университета), то в остальных исследованиях обобщение результатов на узких выборках до генеральной совокупности населения страны не представляется обоснованным. Проблема невозможности обобщения результатов выборки на генеральную совокупность признается одной из наиболее распространенных в контексте реализации исследований с использованием экспериментов в социальных науках [25].

Еще одной важной составляющей экспериментального дизайна, способствующей укреплению надежных выводов о каузальности, является внедрение мер для уменьшения потенциального предугадывания ответов (*experimental demand*) — сигналов в экспериментальной обстановке или процедур, которые информируют участников о том, какой ответ от них ожидается [25]. Эффекты предугадывания представляют собой серьезную угрозу внутренней валидности: участники могут быть мотивированы реагировать на тонкие намеки в дизайне эксперимента, указывающие на то, что от них ожидают, а не на саму экспериментальную манипуляцию. Стандартные меры по борьбе с предугадыванием ответов включают в себя скрытие истинной цели исследования, предоставление участникам правдоподобного, но ложного описания и использование относительно незаметных показателей результатов, чтобы участники были склонны вести себя так же, как в реальных ситуациях.

Необходимо отметить и ряд методологических недостатков экспериментального подхода к измерению политической поддержки рестриктивной политики государства. Как отмечает

Айенгар [25], фактическое воздействие политических сообщений на аудиторию в реальном мире обычно не аналогично влиянию стимулов, предъявляемым выборке респондентов в ходе эксперимента. Так, респонденты, которые соглашались принять участие в опросном эксперименте, скорее всего, отличаются от тех, кто самостоятельно решает почитать новости или посмотреть рекламу во время избирательных кампаний (для общего обсуждения этой проблемы см. [26]). Новостные репортажи о политических событиях, которые предлагаются в рамках экспериментов, в обычной жизни можно избегать по собственному усмотрению, что означает, что воздействие медиа ограничивается политически активными слоями населения. Таким образом, как указывал Ховланд [27], манипуляционный контроль в некоторой степени ослабляет способность обобщения полученных в ходе исследования результатов, поскольку в реальности воздействие политических фреймов обычно является добровольным выбором индивида.

Наконец, проблему внутренней валидности опросного эксперимента могут создавать различия в форме вмешательства в различных опросных группах. Исследователи отмечают проблемы, связанные с предоставлением респондентам фото- и видеоматериалов в качестве стимулов, поскольку представленные экспериментальным и контрольной группам материалы могут иметь различия, оказывающие влияние на восприятие респондентами информации и, как следствие, искажающие результат экспериментального вмешательства [18]. Так, в исследовании, посвященном анализу политической поддержки респондентами превентивных киберударов и традиционных военных ударов со стороны правительства, участникам эксперимента были предложены скриншоты новостей с американского телевизионного канала: на одном фото была изображена железнодорожная катастрофа, в то время как на втором фото — изображение толпы пассажиров в аэропорту, под фотографиями были представлены

описания с указанием характера летальности происшествий [10]. При этом при получении одного из двух фото респондент мог принять решение о поддержке той или иной меры по иным причинам, которые не учитываются при создании конкретных вмешательств: например, респондент может не поддерживать государственные меры при прочтении новости о происшествии с летальным исходом потому, что фото с изображением железнодорожной аварии, но без изображенных людей, не будет связано в его сознании с огромным количеством жертв. Похожие примеры можно найти в других исследованиях факторов политической поддержки: например, Д. Мюнц отмечает, что там, где респондентам предлагают различные видеоматериалы, респонденты могут реагировать не на ключевую идею, которую хотели передать авторы, а на побочные детали, например, на расу или возраст изображенных людей [18].

Риски некорректной интерпретации из-за различий между стимулами есть и в исследованиях, эксперименты в которых опираются на текстовые материалы, написанные для различных экспериментальных групп без четкой структуры. В работе Ренстром и Бэка [28], посвященной анализу факторов страха, тревоги и злости как детерминант политической поддержки в период пандемии Covid-19, группам респондентов предлагались тексты, которые (по замыслу авторов) должны были вызвать ту или иную эмоцию у респондентов. Оставив в стороне вопрос сложности разграничений эмоций как элемента имплицитных установок индивидов (подробнее см. [29]), мы не можем быть уверены в том, что именно некорректная политика шведского правительства по ограничению перемещений граждан является стимулом к появлению у респондента злости, а не, например, приток мигрантов, который также упоминался в данном тексте [28]. Вольная форма составления текстовых материалов, таким образом, создает в экспериментальном дизайне риск влияния иных факторов на принятие респондентом решения о политиче-

ской поддержке той или иной меры, что потенциально нарушает внутреннюю валидность исследований.

Решением вышеописанной проблемы является разработка исследовательского дизайна, который бы позволил исследователю контролировать влияние независимых переменных на целевую переменную путем стандартизации предлагаемых респондентам текстовых материалов. Оптимальным решением проблемы является дизайн эксперимента с использованием виньеток, в которых в текстах, предлагаемым различным группам респондентов, *систематически* варьируются ключевые характеристики, что позволяет оценить влияние каждого фактора на зависимую переменную. Григорян и Горинова [30] относят такой подход к группе факторных опросов, позволяющих путем выделения нескольких независимых переменных и анализа их сочетаний получать большое количество групп респондентов с различными сочетаниями вмешательств. Так, в исследовании, посвященном анализу фреймирования новостей об ограничении личных свобод граждан в период пандемии Covid-19 путем включения указаний на временный характер ограничений и серьезность рисков, авторы получили шесть групп респондентов путем комбинации виньеток 2*3 в факторном опросе [8]. В исследовании общественной поддержки систем видеонаблюдения в общественных местах авторы, используя метод факторного опроса, разделили выборку на 18 групп респондентов, получивших различные комбинации стимулов [31]. Как отмечает Диана Мютц, возможность в экспериментах с виньетками получить из изначально небольшой выборки большое количество групп с различными типами вмешательства позволяет изолировать влияние отдельных переменных на целевую переменную [18], что является важнейшим достоинством такого исследовательского дизайна в контексте изучения факторов политической поддержки рестриктивной политики. Кроме того, изменение небольших фрагментов текста при сохранении общей рамки вмешательства позволяет сохра-

нить валидность результатов исследования и исключить влияние иных факторов на результат.

При этом, несмотря на преимущества метода факторного опроса в рамках небольшой матрицы стимулов, исследователи часто необоснованно увеличивают количество переменных в виньетках, вследствие чего получается несколько сотен и даже тысяч комбинаций факторов и экспериментальных групп. Такой подход приводит к утяжелению исследовательского дизайна, поскольку не все комбинации независимых переменных используются для анализа и несут смысл, что ставит под вопрос релевантность использования виньеток в таких работах. Так, в большинстве публикаций на тему политической поддержки рестриктивной политики с использованием эксперимента с виньетками за последние 3–5 лет матрицы факторов относительно невелики и позволяют сделать выводы о влиянии ключевых факторов на восприятие респондентами государственной политики [5; 32]. Но есть и работы, в которые исследователи включают значительное количество факторов, концептуально перегружая их количеством виньеток. В работе Ягера [4], насчитывалось 108 виньеток для двух тысяч респондентов, что само по себе не является существенным ограничением, но, как отмечают исследователи [18], необходим более подробный анализ взаимосвязей и зависимостей, что часто опускается исследователями.

Проблему предугадывания ответов (*experimental demand*), которая проявляется особенно явно в исследованиях политической поддержки рестриктивной политики, призван решить альтернативный вариант экспериментального дизайна — так называемый эксперимент с поддержкой (*endorsement experiment*). Чтобы помешать испытуемым выяснить цель исследования, исследователи пытаются скрыть главное среди другой, якобы более важной, информации [33]. В ходе эксперимента по выявлению политической поддержки респондентов спрашивают, насколько они поддерживают ту или иную политику. В условиях

вмешательства политика «одобряется» группой политических лиц, которую респонденты осознанно не признали бы влияющей на их мнение. В контрольной группе не указано одобрение политической инициативы какими-либо политическими лицами. Средняя разница в поддержке между результатами групп отражает изменение поддержки политики в результате одобрения определенной группой политических лиц. Несмотря на достаточно ограниченное на данный момент использование эксперимента с поддержкой, в работе Блэр и других [34] он используется для выявления того, как доверие граждан отдельным политическим группам (правительство, полиция, НКО и религиозные деятели) влияет на уровень соблюдения антиковидных ограничений. Несмотря на относительно скромные, на наш взгляд, результаты эксперимента, выявившие больший уровень поддержки гражданами правительственных лиц, чем иных политических групп, в контексте комплаенса такой исследовательский дизайн позволил избежать предугадывания респондентами ответов и решить проблему сенситивности.

Наконец, еще одним крупным ограничением, с которым сталкиваются исследователи при анализе факторов формирования политической поддержки рестриктивной политики, является смещение результатов опросов, измеряющих уровень доверия к отдельным политическим институтам, из-за политической сенситивности вопросов, заданных напрямую. Для решения указанной проблемы исследователи прибегают к достаточно распространенному списочному эксперименту [34; 35], который призван минимизировать эффект социальной желательности. Возможность в ходе списочного эксперимента установить количество респондентов, ответивших на сенситивные вопросы «социально нежелательно», но при этом обеспечив респондентам в группах большую свободу выражения мнения благодаря отсутствию необходимости отвечать на сенситивные вопросы напрямую, является большим преимуществом такого подхода. Так, в исследовании

Бэхера и других [35] несоблюдение (*non-compliance*) рестриктивных государственных мер в период пандемии Covid-19 измерялось путем сравнения контрольной и экспериментальной групп по количеству включений экспериментальной группой утверждения о том, что респондент встречался один или несколько раз с друзьями или родственниками, которые не живут с ним/ней в одном доме. В работе [34] исследовательский дизайн был построен схожим образом: средний показатель несоблюдения государственных норм также высчитывался как разница среднего количества выбранных пунктов между контрольной группой, которой не было предложено утверждения с описанием социально неодобряемого поведения, и экспериментальной группой, которой был предложен полный список утверждений. Как отмечает Снидерман [36], списочные эксперименты относятся к типу пермиссивных исследовательских дизайнов, то есть они не вмешиваются напрямую в когнитивно-поведенческий процесс, позволяя респонденту самостоятельно обозначить свое поведение с минимальным вмешательством со стороны автора. Несмотря на то, что в исследованиях рестриктивной политики такой дизайн применяется не очень часто, изучение факторов поддержки государственных мер с помощью списочных экспериментов является перспективным и интересным направлением в политической науке.

Таким образом, вышеописанные экспериментальные подходы зачастую являются более эффективным решением проблем внутренней валидности в исследованиях политической поддержки рестриктивной политики, чем классические опросы респондентов, особенно с политически сенситивными вопросами, задаваемыми респондентам напрямую. Грамотный подход к разработке исследовательского дизайна, определению выборки и сбору данных позволяет в большой степени решить проблемы, стоящие перед социологами в контексте проблемы изучения политической поддержки и комплаенса.

Фактическое положение дел в исследованиях поддержки рестриктивной политики

Но стали ли эксперименты в действительности применяться в исследованиях политических установок граждан так часто, как рассчитывали на это ученые двадцать лет назад? Для ответа на этот вопрос автором были собраны и проанализированы данные статистики публикаций работ по теме восприятия рестриктивных государственных мер в базе данных рецензируемой научной литературы Scopus. В качестве временного периода был выбран промежуток, равный одиннадцати лет, с 2013 по 2024 гг., что вызвано ростом призывов к использованию экспериментальных подходов авторами в 2010-е гг.; для формирования пула подходящих по теме публикаций был сформулирован запрос из ключевых слов, позволяющих определить тематику работ как восприятие рестриктивных государственных мер:

(“political attitudes” OR “public opinion” OR “compliance” OR “political support”) AND (“regulation measures” OR “state regulation” OR “restrictive policy” OR “restrictive measures”) AND PUBYEAR > 2012 AND PUBYEAR < 2025 AND (LIMIT-TO (SUBJAREA, "SOCI") OR LIMIT-TO (SUBJAREA, "PSYC")) AND (LIMIT-TO (DOCTYPE, "ar"))

Кроме того, необходимо было также рассмотреть статистику публикаций работ, использующих экспериментальный исследовательский дизайн. Для этого в сформулированный выше запрос было добавлено правило *“AND (“experimental design” OR “experimental study” OR “survey experiment” OR “vignette experiment” OR “factorial survey” OR “factorial experiment” OR “vignette study” OR “conjoint experiment” OR “conjoint analysis” OR “choice-based conjoint” OR “list experiment” OR “sensitive question experiment” OR “randomized response technique” OR “lab experiment” OR “field experiment”))”*. На рис. 1 изображен график публикаций работ на тему отношения граждан к рестриктивным

государственным мерам, где показано общее число публикаций по данной теме, а также число работ, в которых использован экспериментальный подход.

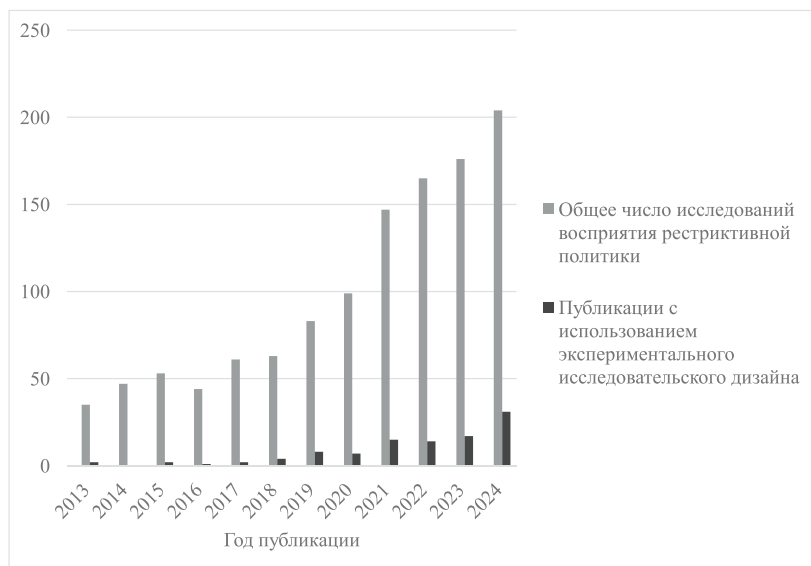

Рис. 1. Статистика публикаций на тему отношения граждан к рестриктивной государственной политике с 2013 по 2024 гг.

Всего за период с 2013 по 2024 гг. в базе Scopus по запросу выше было найдено 1 007 публикаций, из них в 103 публикациях применялся экспериментальный дизайн. На графике можно заметить постепенный рост числа исследований различных аспектов отношения граждан к государственным рестрициям с 2016 по 2020 гг., после чего последовал всплеск публикаций (начиная с 2021 года), что вызвано ростом интереса исследователей к ограничениям в период пандемии Covid-19. Так, в 2021 году было опубликовано почти в полтора раза больше

работ, чем годом ранее: 147 против 99 публикаций. Наиболее высокие показатели публикационной активности наблюдаются в 2024 году, что объясняется как ростом интереса к проблеме отношения граждан к ограничениям в целом, так и публикационной политикой ряда журналов, в которых публикации выходят в печать значительно позже публикации на сайте журнала.

Примечательно при этом, что с 2018 года наблюдается последовательное увеличение количества работ с использованием экспериментов, но этот рост за шесть лет минимален: так, если в 2018 году было опубликовано четыре исследования с использованием экспериментов, то в 2020 году их было всего семь. Стабильный рост, как и в общем объеме работ на тему рестриктивной политики, наблюдался с начала пандемии Covid-19 (от 14 до 17 публикаций в год), а в 2024 году количество работ с использованием экспериментов составило рекордные 31. С одной стороны, такая стабильная позитивная динамика в использовании экспериментов в поле исследований рестриктивной политики радует, поскольку эксперименты все больше получают должное признание в научных журналах. С другой стороны, даже при таком росте доля экспериментальных исследований в 2024 году составляет всего 15 % от общего числа исследований, что указывает на некоторую научную инертность: доля исследований с использованием экспериментов увеличилась соразмерно общему росту работ, посвященных анализу восприятия рестриктивной политики. Таким образом, мы не можем утверждать, что произошел переход к активному использованию экспериментов за счет отказа от традиционных форм измерения политических установок респондентов, про который писали авторы десять лет назад, но тенденция к росту использования экспериментов в целом позволяет рассчитывать на более позитивные тенденции в эмпирической социальной науке в ближайшие годы.

Выводы

Основная исследовательская задача, которая стояла перед автором статьи — рассмотреть методологические подходы к измерению политических установок по отношению к мерам государственной рестриктивной политики в социальных науках с точки зрения решения существующими видами исследовательского дизайна проблем валидности измерения. Для этого в концептуальной части исследования автор попытался показать, что различные разрозненные понятия, связанные с измерением восприятия государственной политики гражданами и используемые в абсолютно разных научных сферах (комплаенс, политические предпочтения, политическое отношение и т.д.), можно отнести к измерению политических установок, определяющих принятие или непринятие респондентом предложенной меры. У этой выделенной области исследований оказываются общими не только фактически измеряемые в эмпирических исследованиях установки, но и специфические проблемы, сопутствующие этому измерению. Главные из них — это социальная желательность (являющаяся производной от самой темы рестрикций) и связанные с искажениями ответов социальной желательностью трудности в установлении причинно-следственных отношений. Наиболее часто и настойчиво предлагаемый рецепт преодоления этих ограничений — использование экспериментального дизайна, варианты которого на сегодняшний день включают множество инструментов, в том числе применимых в массовых опросах.

Однако результаты анализа фактически используемых подходов к измерению политических установок граждан оказались не столь оптимистичными, как это можно было ожидать, исходя из развития методологических рекомендаций в исследовательской литературе: подавляющее большинство авторов современных исследований рестриктивной политики продолжает опираться

на опросы, при этом прекрасно осознавая и выделяя в работах серьезные ограничения таких исследований. Объяснений этому может быть много: физическая или материальная невозможность проведения экспериментов в условиях работы конкретных исследователей, нехватка навыков в работе с экспериментами, сложности с поиском платформы для сбора эмпирических данных, консерватизм в применении методов и пр. Так или иначе, экспериментальный дизайн позволяет в значительной степени решить вопросы эффекта социальной желательности, предугадывания ответов, а также проблем внутренней валидности исследований, которые характерны для опросов на тему рестриктивной политики. Широкий выбор моделей экспериментов для исследователя (списочные эксперименты, эксперименты с поддержкой, факторные опросы) при корректном использовании позволяет автору смещать фокус на тот аспект анализа рестриктивной политики, который важен в каждой конкретной работе.

Конечно, как показал проведенный анализ, работы с применением экспериментального дизайна также не лишены ошибок: некорректной выборки, слишком явного для респондента дизайна вопросов, сложности обобщения результатов в работах с использованием фото- и видеоматериалов в качестве стимулов. Но эти локальные проблемы можно решать, не меняя исследовательской рамки, тем более что обилие методологической литературы по экспериментам в социальных науках позволяет даже начинающим исследователям обходить такие ограничения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Guo D., Habich-Sobiegalla S., Kostka G.* Emotions, crisis, and institutions: Explaining compliance with COVID-19 regulations // *Regulation & Governance*. 2023, vol. 18, № 1. P. 177–202. DOI: 10.1111/rego.12509.
2. *Schmeisser Y., Renstrom E. A., Back H.* Who follows the rules during a crisis? Personality traits and trust as predictors of compliance with containment recommendations during the COVID-19 pandemic // *Frontiers in Political Science*. 2021, vol. 3. P. 1–13. DOI: 10.3389/fpos.2021.739616.

3. *Shandler R., Kostyuk N., Oppenheimer H.* Public opinion and cyberterrorism // *Public Opinion Quarterly*. 2023, vol. 87, № 1. P. 92–119. DOI: 10.1093/poq/nfad006.

4. *Jäger F.* Security vs. civil liberties: How citizens cope with threat, restriction, and ideology // *Frontiers in Political Science*. 2023, № 4. P.1–13. DOI: 10.3389/fpos.2022.1006711.

5. *Fesenfeld L., Rudolph L., Bernauer T.* Policy framing, design and feedback can increase public support for costly food waste regulation // *Nature Food*. 2022, vol. 3, № 3. P. 227–235. DOI: 10.1038/s43016-022-00460-8.

6. *Gurinskaya A.* Predicting citizens' support for surveillance cameras. Does police legitimacy matter? // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 2020, vol. 44. P. 63–83. DOI: 10.1080/01924036.2020.1744027.

7. *Mužik M., Šerek J.* What reduces support for civil liberties: Authoritarianism, national identity, and perceived threat // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2021, vol. 21, № 1. P. 734–760. DOI: 10.1111/asap.12241.

8. *Chmel K., Klimova A., Savin N.* The effect of risk framing on support for restrictive government policy regarding the COVID-19 outbreak // *PLoS ONE*. 2021, vol. 10, № 16. DOI: 10.1371/journal.pone.0258132.

9. *Murphy K., Williamson H., Sargeant E., McCarthy M.* Why people comply with COVID-19 social distancing restrictions: Self-interest or duty? // *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. 2020, vol. 53, № 4. P. 477–496. DOI: 10.1177/0004865820954484.

10. *Shandler R., Gross M. L., Canetti D.* A fragile public preference for cyber strikes: Evidence from survey experiments in the United States, United Kingdom, and Israel // *Contemporary Security Policy*. 2021, vol. 42, № 2. P. 135–162. DOI: 10.1080/13523260.2020.1868836.

11. *Easton D.* A Re-assessment of the concept of political support // *British Journal of Political Science*. 1975, vol. 5, № 4. P. 435–457. DOI: 10.1017/S0007123400008309.

12. *Kingsbury B.* The concept of compliance as a function of competing conceptions of international law // *Trilateral Perspectives on International Legal Issues: From Theory Into Practice*. 1998. P. 9–33. DOI: 10.1163/9789004635807_005.

13. *Daoust J. F.* How can governments generate compliance in times of crisis? A review of the COVID-19 pandemic // *French Politics*. 2023, vol. 21, № 2. P. 179–194. DOI: 10.1057/s41253-023-00206-3.

14. *Van Deth J. W.* Compliance, trust and norms of citizenship // *Handbook on political trust*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. 2017. P. 212–228. DOI: 10.4337/9781782545118.00024.

15. *Norris P.* The conceptual framework of political support // *The Oxford handbook of social and political trust* / Ed. by E. M. Uslaner. Oxford: Oxford University Press. 2018. P. 19–32. DOI: 10.4337/9781782545118.00012.

16. Pak A., McBryde E. S., Adegboye O. A. Does high public trust amplify compliance with stringent COVID-19 government health guidelines? A multi-country analysis using data from 102,627 individuals // *Risk Management and Healthcare Policy*. 2021, vol. 14, № 1. P. 293–302. DOI: 10.2147/rmhp.s278774.
17. Lalot F., Heering M. S., Rullo M., Travaglino G. A., Abrams D. The dangers of distrustful complacency: Low concern and low political trust combine to undermine compliance with governmental restrictions in the emerging Covid-19 pandemic // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2022, vol. 25, № 1. P. 106–121. DOI: 10.1177/1368430220967986.
18. Mutz D. C. Population-based survey experiments. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 2011. 177 p. DOI: 10.18352/bmgn-lchr.332.
19. Liu C. Who supports expanding surveillance? Exploring public opinion of Chinese social credit systems // *International Sociology*. 2021, vol. 37, № 3. P. 391–412. DOI: 10.1177/02685809221084446.
20. Седашов Е. А. Методы каузального анализа в современной политической науке // *Политическая наука*. 2021, №1. С. 98–115. DOI: 10.31249/poln/2021.01.04.
21. Imbens G. W., Rubin D. B. Causal inference in statistics, social, and biomedical sciences // Cambridge University Press, 2015. 625 p. ISBN: 9781139025751. DOI: 10.1017/CBO9781139025751.
22. Sekerdej M., Kossowska M. Motherland under attack! Nationalism, terrorist threat, and support for the restriction of civil liberties // *Polish Psychological Bulletin*. 2011, vol. 42, № 11. P. 11–19. DOI: 10.2478/v10059-011-0003-0.
23. Davis D. W., Silver B. D. Civil liberties vs. security: Public opinion in the context of the terrorist attacks on America // *American journal of political science*. 2004, vol. 48, № 1. P. 28–46. DOI: 10.1111/j.0092-5853.2004.00054.x.
24. Kostyuk N., Wayne C. The microfoundations of state cybersecurity: Cyber risk perceptions and the mass public // *Journal of Global Security Studies*. 2021, vol. 6, № 2. DOI: 10.1093/jogss/ogz077.
25. Iyengar S. Laboratory experiments in political science // *Cambridge handbook of experimental political science* / Ed. by J. N. Druckman, D. P. Greene, J. H. Kuklinski. Cambridge University Press. 2012. P. 137–167. DOI: 10.1017/cbo9780511921452.006.
26. Gaines B. J., Kuklinski J. H., Quirk P. J. The logic of the survey experiment reexamined // *Political Analysis*. 2007, vol. 15, № 1. P. 1–20. DOI: 10.1093/pan/mpj008.
27. Hovland C. I. Reconciling conflicting results derived from experimental and survey studies of attitude change // *American Psychologist*. 1959, vol. 14, № 1. P. 8–17. DOI: 10.1037/h0042210.
28. Renström E. A., Bäck H. Emotions during the Covid-19 pandemic: Fear,

anxiety, and anger as mediators between threats and policy support and political actions // *Journal of applied social psychology*. 2021, vol. 51, № 8. P. 861–877. DOI: 10.1111/jasp.12806.

29. *Lodge M., Taber C., Verhulst B.* Conscious and unconscious information processing with implications for experimental political science // *Cambridge handbook of experimental political science* / Ed. by J. N. Druckman, D. P. Greene, J. H. Kuklinski. Cambridge University Press, 2012. P. 291–321. DOI: 10.1017/cbo9780511921452.011.

30. *Григорян Л. К., Горинова Е. В.* Факторный опрос: преимущества, область применения, практические рекомендации // *Социальная психология и общество*. 2016, т. 7, № 2. С. 142–157. DOI: 10.17759/sps.2016070210.

31. *Ziller C., Helbling M.* Public support for state surveillance // *European Journal of Political Research*. 2021, vol. 60, № 4. P. 994–1006. DOI: 10.1111/1475-6765.12424.

32. *Gomez M. A., Whyte C.* Breaking the myth of cyber doom: Securitization and normalization of novel threats // *International Studies Quarterly*. 2021, vol. 65, № 4. P. 1137–1150. DOI: 10.1093/isq/sqab034.

33. *Cohen G. L.* Party over policy: The dominating impact of group influence on political beliefs // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003, vol. 85, № 5. P. 808–822. DOI: 10.1037/0022-3514.85.5.808.

34. *Blair R. A., Curtice T., Dow D., Grossman G.* Public trust, policing, and the COVID-19 pandemic: Evidence from an electoral authoritarian regime // *Social Science & Medicine*. 2022, vol. 305, № 3. DOI: 10.1016/j.socscimed.2022.115045.

35. *Becher M., Stegmueller D., Brouard S., Kerrouche E.* Ideology and compliance with health guidelines during the COVID-19 pandemic: A comparative perspective // *Social science quarterly*. 2021, vol. 102, № 5. P. 2106–2123. DOI: 10.1111/ssqu.13035.

36. *Sniderman P. M.* The logic and design of the survey experiment: An autobiography of a methodological innovation // *Cambridge handbook of experimental political science* / Ed. by J. N. Druckman, D. P. Greene, J. H. Kuklinski. Cambridge University Press, 2012. P. 182–205. DOI: 10.1017/cbo9780511921452.008.

37. *Margets H., Stocker G.* The experimental method: prospects for laboratory and field studies // *Theory and methods in political science*. 3rd edition / Ed. by D. Marsch, G. Stocker. Palgrave Macmillan, 2011. P. 308–324. DOI: 10.1007/978-0-230-36664-0_16.

38. *Daoust J. F., Nadeau R., Dassonneville R., Lachapelle E., Belanger E., Savoie J., van der Linden C.* How to survey citizens' compliance with COVID-19 public health measures: evidence from three survey experiments // *Journal of Experimental Political Science*. 2021, vol. 8, № 3. P. 310–317. DOI: 10.1017/XPS.2020.25.

39. *Faillo M., Ottone S., Sacconi L.* Compliance by believing: An experimental exploration on social norms and impartial agreements // SSRN. 2008. DOI: 10.2139/ssrn.1151245.

40. *Alm J., McKee M.* Tax compliance as a coordination game // Journal of Economic Behavior & Organization. 2004, vol. 54, № 3. P. 297–312. DOI: 10.1016/j.jebo.2003.02.003.

41. *Auliya S. F., Wulandari N.* The impact of mobility patterns on the spread of the COVID-19 in Indonesia // Journal of Information Systems Engineering and Business Intelligence. 2021, vol. 7, № 1. P. 31–41. DOI: 10.20473/jisebi.7.1.31-41.

42. *Aguilar-Ruiz J. S., Ruiz R., Giráldez R.* Advance monitoring of COVID-19 incidence based on taxi mobility: Ehe infection ratio measure // Healthcare. MDPI. 2024, vol. 12, № 5. P. 51–57. DOI: 10.3390/healthcare12050517.

43. *McDermott R.* Experimental methods in political science // Annual Review of Political Science. 2002, vol. 5, № 1. P. 31–61. DOI: 10.1146/annurev.polisci.5.091001.170657.

Сведения об авторе

Бочарова Александра Павловна

Аспирант, младший научный сотрудник Центра комплексных
европейских и международных исследований,
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики».

Тел.: +7(916)788-68-92

SPIN-код: 6734-6461

ResearcherID: GSE-6417-2022

PUBLIC PERCEPTION OF STATE RESTRICTIVE POLICY: PROBLEMS OF MEASUREMENT

Bocharova Alexandra P.

HSE University, Moscow, Russia

apbocharova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-2167-8342

For citation: Bocharova A.P. Public perception of state restrictive policy: Problems of measurement. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2025, no. 60, p. 183-215. DOI: 10.19181/4m.2025.34.1.5

Abstract. The article addresses conceptual and methodological issues in measuring citizens' political attitudes toward restrictive government policies. The first part of the study focuses on integrating disparate groups of research on political support and political attitudes toward various restrictive government measures into a unified category for measuring political attitudes toward restrictive policies. With rare exceptions, empirical studies on compliance based on survey methods and respondents' self-reports can also be included in this category. After consolidating these research groups into a single direction for studying citizens' attitudes toward restrictive policies, the author tackles the issue of validity in empirical studies of this kind. The results of a statistical analysis of studies on restrictive policies published in the Scopus database over the past ten years reveal that the overwhelming majority of contemporary researchers in this field continue to rely on survey-based formats. This raises several questions about the internal and external validity of such studies due to the sensitivity of questions posed to respondents. Additionally, several issues remain unresolved in existing research, such as forming excessively narrow samples, the overt nature of question design for respondents, and challenges in generalizing results in studies that use photo and video materials as interventions. A solution to the problem of validity violations is the use of experimental design, which is applied significantly less frequently in studies on restrictive policies compared to classical surveys. This includes list experiments, support

experiments, and factorial surveys. The article also discusses examples of the proper use of such research designs, referencing recent studies.

Keywords: restrictive policy, survey methods, political attitudes, political support, compliance, public perception, list experiment, factor survey, conjoint experiment

References

1. Guo D., Habich-Sobiegalla S., Kostka G. Emotions, crisis, and institutions: Explaining compliance with COVID-19 regulations, *Regulation & Governance*, 2023, vol. 18, no. 1, p. 177–202. DOI: 10.1111/rego.12509.
2. Schmeisser Y., Renstrom E.A., Back H. Who follows the rules during a crisis? Personality traits and trust as predictors of compliance with containment recommendations during the COVID-19 pandemic, *Frontiers in Political Science*, 2021, vol. 3, p. 1–13. DOI: 10.3389/fpos.2021.739616.
3. Shandler R., Kostyuk N., Oppenheimer H. Public opinion and cyberterrorism, *Public Opinion Quarterly*, 2023, vol. 87, no. 1, p. 92–119. DOI: 10.1093/poq/nfad006.
4. Jäger F. Security vs. civil liberties: How citizens cope with threat, restriction, and ideology, *Frontiers in Political Science*, 2023, no. 4, p. 1–13. DOI: 10.3389/fpos.2022.1006711.
5. Fesenfeld L., Rudolph L., Bernauer T. Policy framing, design and feedback can increase public support for costly food waste regulation, *Nature Food*, 2022, vol. 3, no. 3, p. 227–235. DOI: 10.1038/s43016-022-00460-8.
6. Gurinskaya A. Predicting citizens' support for surveillance cameras. Does police legitimacy matter? *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, 2020, vol. 44, p. 63–83. DOI: 10.1080/01924036.2020.1744027.
7. Mužík M., Šerek J. What reduces support for civil liberties: Authoritarianism, national identity, and perceived threat, *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 2021, vol. 21, no. 1, p. 734–760. DOI: 10.1111/asap.12241.
8. Chmel K., Klimova A., Savin N. The effect of risk framing on support for restrictive government policy regarding the COVID-19 outbreak, *PLoS ONE*, 2021, vol. 10, no. 16. DOI: 10.1371/journal.pone.0258132.

9. Murphy K., Williamson H., Sargeant E., McCarthy M. Why people comply with COVID-19 social distancing restrictions: Self-interest or duty?, *Australian & New Zealand Journal of Criminology*, 2020, vol. 53, no. 4, p. 477–496. DOI: 10.1177/0004865820954484.
10. Shandler R., Gross M.L., Canetti D. A fragile public preference for cyber strikes: Evidence from survey experiments in the United States, United Kingdom, and Israel, *Contemporary Security Policy*, 2021, vol. 42, no. 2, p. 135–162. DOI: 10.1080/13523260.2020.1868836.
11. Easton D. A re-assessment of the concept of political support, *British Journal of Political Science*, 1975, vol. 5, no. 4, p. 435–457. DOI: 10.1017/S0007123400008309.
12. Kingsbury B. The concept of compliance as a function of competing conceptions of international law, *Trilateral Perspectives on International Legal Issues: From Theory Into Practice*, 1998, p. 9–33. DOI: 10.1163/9789004635807_005.
13. Daoust J.F. How can governments generate compliance in times of crisis? A review of the COVID-19 pandemic, *French Politics*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 179–194. DOI: 10.1057/s41253-023-00206-3.
14. Van Deth J.W. “Compliance, trust and norms of citizenship”, in: *Handbook on political trust*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2017. P. 212–228. DOI: 10.4337/9781782545118.00024.
15. Norris P. “The conceptual framework of political support”, in: *The Oxford handbook of social and political trust*, ed. by E.M. Uslaner. Oxford: Oxford University Press, 2018, p. 19–32. DOI: 10.4337/9781782545118.00012.
16. Pak A., McBryde E.S., Adegboye O.A. Does high public trust amplify compliance with stringent COVID-19 government health guidelines? A multi-country analysis using data from 102,627 individuals, *Risk Management and Healthcare Policy*, 2021, vol. 14, no. 1, p. 293–302. DOI: 10.2147/rmhp.s278774.
17. Lalot F., Heering M.S., Rullo M., Travaglino G.A., Abrams D. The dangers of distrustful complacency: Low concern and low political trust combine to undermine compliance with governmental restrictions in the emerging Covid-19 pandemic, *Group Processes & Intergroup Relations*, 2022, vol. 25, no. 1, p. 106–121. DOI: 10.1177/1368430220967986.
18. Mutz D.C. *Population-based survey experiments*. Princeton,

- New Jersey: Princeton University Press, 2011. 177 p. DOI: 10.18352/bmgn-lchr.332.
19. Liu C. Who supports expanding surveillance? Exploring public opinion of Chinese social credit systems, *International Sociology*, 2021, vol. 37, no. 3, p. 391–412. DOI: 10.1177/02685809221084446.
 20. Sedashov E.A. Methods of causal analysis in modern political science (in Russian), *Politicheskaya Nauka (Political Science)*, 2021, no. 1, p. 98–115. DOI: 10.31249/poln/2021.01.04.
 21. Imbens G.W., Rubin D.B. *Causal inference in statistics, social, and biomedical sciences*. Cambridge University Press, 2015. 625 p. ISBN: 9781139025751. DOI: 10.1017/CBO9781139025751.
 22. Sekerdej M., Kossowska M. Motherland under attack! Nationalism, terrorist threat, and support for the restriction of civil liberties, *Polish Psychological Bulletin*, 2011, vol. 42, no. 11, p. 11–19. DOI: 10.2478/v10059-011-0003-0.
 23. Davis D.W., Silver B.D. Civil liberties vs. security: Public opinion in the context of the terrorist attacks on America, *American journal of political science*, 2004, vol. 48, no. 1, p. 28–46. DOI: 10.1111/j.0092-5853.2004.00054.x.
 24. Kostyuk N., Wayne C. The microfoundations of state cybersecurity: Cyber risk perceptions and the mass public, *Journal of Global Security Studies*, 2021, vol. 6, no. 2. DOI: 10.1093/jogss/ogz077.
 25. Iyengar S. “Laboratory experiments in political science”, in: *Cambridge handbook of experimental political science*, ed. by J.N. Druckman, D.P. Greene, J.H. Kuklinski. Cambridge University Press, 2012, p. 137–167. DOI: 10.1017/cbo9780511921452.006.
 26. Gaines B.J., Kuklinski J.H., Quirk P.J. the logic of the survey experiment reexamined, *Political Analysis*, 2007, vol. 15, no. 1, p. 1–20. DOI: 10.1093/pan/mpm1008.
 27. Hovland C.I. reconciling conflicting results derived from experimental and survey studies of attitude change, *American Psychologist*, 1959, vol. 14, no. 1, p. 8–17. DOI: 10.1037/h0042210.
 28. Renström E.A., Bäck H. Emotions during the Covid-19 pandemic: Fear, anxiety, and anger as mediators between threats and policy support and political actions, *Journal of applied social psychology*, 2021, vol. 51, no. 8, p. 861–877. DOI: 10.1111/jasp.12806.

29. Lodge M., Taber C., Verhulst B. :Conscious and unconscious information processing with implications for experimental political science”, in: *Cambridge handbook of experimental political science*, ed. by J.N. Druckman, D.P. Greene, J.H. Kuklinski. Cambridge University Press, 2012. P. 291–321. DOI: 10.1017/cbo9780511921452.011.
30. Grigoryan L.K., Gorinova E.V. Factor survey: advantages, scope, practical recommendations (in Russian), *Social'naya psihologiya i obshchestvo (Social psychology and society)*, 2016, vol. 7, no. 2. p. 142–157. DOI: 10.17759/sps.2016070210.
31. Ziller C., Helbling M. Public support for state surveillance, *European Journal of Political Research*, 2021, vol. 60, no. 4, p. 994–1006. DOI: 10.1111/1475-6765.12424.
32. Gomez M.A., Whyte C. Breaking the myth of cyber doom: Securitization and normalization of novel threats, *International Studies Quarterly*, 2021, vol. 65, no. 4, p. 1137–1150. DOI: 10.1093/isq/sqab034.
33. Cohen G.L. Party over policy: The dominating impact of group influence on political beliefs, *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, vol. 85, no. 5, p.808–822. DOI: 10.1037/0022-3514.85.5.808.
34. Blair R.A., Curtice T., Dow D., Grossman G. Public trust, policing, and the COVID-19 pandemic: evidence from an electoral authoritarian regime, *Social Science & Medicine*, 2022, vol. 305, no. 3. DOI: 10.1016/j.socscimed.2022.115045.
35. Becher M., Stegmuller D., Brouard S., Kerrouche E. Ideology and compliance with health guidelines during the COVID-19 pandemic: A comparative perspective, *Social science quarterly*, 2021, vol.102, no. 5, p. 2106–2123. DOI: 10.1111/ssqu.13035.
36. Sniderman P.M. “The logic and design of the survey experiment: An autobiography of a methodological innovation”, in: *Cambridge handbook of experimental political science*, ed. by J.N. Druckman, D.P. Greene, J.H. Kuklinski. Cambridge University Press, 2012. P. 182–205. DOI: 10.1017/cbo9780511921452.008.
37. Margetts H., Stocker G. “The experimental method: Prospects for laboratory and field studies”, in: *Theory and methods in political science. 3rd edition*, ed. by D. Marsch, G. Stocker. Palgrave Macmillan, 2011, p. 308–324. DOI:10.1007/978-0-230-36664-0_16.
38. Daoust J.F., Nadeau R., Dassonneville R., Lachapelle E., Belanger E.,

- Savoie J., van der Linden C. How to survey citizens' compliance with COVID-19 public health measures: evidence from three survey experiments, *Journal of Experimental Political Science*, 2021, vol. 8, no. 3, p. 310–317. DOI: 10.1017/XPS.2020.25.
39. Faillo M., Ottone S., Sacconi L. Compliance by believing: an experimental exploration on social norms and impartial agreements, *SSRN*, 2008. DOI: 10.2139/ssrn.1151245.
40. Alm J., McKee M. Tax compliance as a coordination game, *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2004, vol. 54, no. 3, p. 297–312. DOI: 10.1016/j.jebo.2003.02.003.
41. Auliya S.F., Wulandari N. The impact of mobility patterns on the spread of the COVID-19 in Indonesia, *Journal of Information Systems Engineering and Business Intelligence*, 2021, vol. 7, no. 1, p. 31–41. DOI: 10.20473/jisebi.7.1.31–41.
42. Aguilar-Ruiz J.S., Ruiz R., Giráldez R. Advance Monitoring of COVID-19 Incidence Based on Taxi Mobility: The Infection Ratio Measure, *Healthcare. MDPI*, 2024, vol. 12, no. 5, p. 51–57. DOI: 10.3390/healthcare12050517.
43. McDermott R. Experimental methods in political science, *Annual Review of Political Science*, 2002, vol. 5, no. 1, p. 31–61. DOI: 10.1146/annurev.polisci.5.091001.170657.

Information about the author

Alexandra P. Bocharova

Graduate student, junior Research Fellow, Center for Comprehensive
European and International Studies, National Research HSE University
SPIN-code: 6734-6461
ResearcherID: GSE-6417-2022